

УДК 347.5

DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-183-187

**Шепель Тамара Викторовна**  
**Tamara V. Shepel**

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, профессор  
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1)

doctor of sciences (law), associate professor, head of the department of civil law, professor  
Novosibirsk National Research University (1 Pirogova st., Novosibirsk, Russian Federation, 630090)

E-mail: tomaser@mail.ru

### Состояние российского законодательства о внедоговорных охранительных обязательствах и перспективы его развития

#### The state of Russian legislation on non-contractual protection obligations and prospects for its development

Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» впервые была предпринята попытка закрепить правила о применении общих положений об обязательствах в статье 307.1 ГК РФ к договорным и внедоговорным правоотношениям. В соответствии с пунктами 2 и 3 данной статьи эти положения применяются и к некоторым видам охранительных обязательств. Названную новеллу Гражданского кодекса РФ автор статьи не считает удачной регламентацией охранительных обязательств. Предлагаются меры по совершенствованию норм Гражданского кодекса РФ об охранительных обязательствах.

**Ключевые слова:** охранительное правоотношение, внедоговорные охранительные обязательства, общие положения об обязательствах.

Federal law no. 42-FZ of March 8, 2015 "On Amending Part One of the Civil Code of the Russian Federation", for the first time, an attempt was made to consolidate the rules on the application of general provisions on obligations in article 307.1 of the Civil code of the Russian Federation to contractual and non-contractual legal relations. to some types of protective obligations. The author of the article does not consider the novel of the Civil code of the Russian Federation a successful regulation of protective obligations. Measures are proposed to improve the norms of the Civil code of the Russian Federation on protection obligations.

**Keywords:** protective legal relationship, non-contractual protection obligations, general provisions on obligations.

В современный период одним из наиболее значимых критериев разграничения обязательств становятся функции, выполняемые ими, или их направленность. По данному критерию все обязательства могут быть дифференцированы на две группы: регулятивные и охранительные. Первые касаются обязательств, охватывающих стабильные экономические отношения. Вторые возникают в ситуации, когда нормальный оборот благ нарушается. Любопытно, что исторически первыми возникли охранительные отношения, так, русский цивилист И.А. Покровский неод-

нократно отмечал, что «древнейший зародыш обязательственных отношений кроется в области гражданских правонарушений, в сфере деликтов» [1, с. 236].

Интересна история появления такого деления обязательств. **В Риме** по основаниям возникновения обязательства выделялись следующие обязательства: 1) договорные (ex contractu); 2) обязательства из правонарушений (ex delicto); 3) квазидоговорные обязательства (quasi ex contractu); 4) квазиделиктные обязательства (quasi ex delicto). В свою очередь, к обязательствам как бы из договора относилось

© Шепель Т.В., 2019

а) ведение дел без поручения, а также б) причинение вреда без злого умысла.

Таким образом, четкого деления обязательств на охранительные и регулятивные в римском праве не было. Однако при квалификации обязательств по волеизъявлению сторон в римских источниках все же выделяют две группы: 1) обязательства из правомерных действий сторон и 2) обязательства из правонарушений (деликтов) [2, с. 370].

**В законодательстве России** общей категории охранительных обязательств также не существовало. В Своде законов гражданских *Российской империи* отсутствовали отдельные разделы об охранительных обязательствах, лишь в главе 5 содержались нормы о негативных гражданско-правовых последствиях правомерных действий вне договора [3]. В Проекте Гражданского уложения *Российской империи* четко выделялись обязательства из договоров и обязательства, возникающие не из договоров. Вместе с тем, какое-либо определенное разграничение последнего вида обязательств на охранительные и регулятивные также отсутствовало, в их числе назывались как регулятивные (например, публичное обещание награды), так и охранительные правоотношения (например, возвращение недолжно полученного) [4]. В литературе дореволюционного периода описывались лишь отдельные виды внедоговорных охранительных правоотношений [1, с. 236—238; 5, с. 312, 582].

В *Гражданском кодексе РСФСР 1922 года* появились главы, посвященные отдельным видам внедоговорных обязательств: возникающим из конкурса (гл. 39), вследствие причинения вреда (гл. 40) и вследствие спасения социалистического имущества (гл. 41). *Гражданский кодекс РСФСР 1964 года* помимо названных разделов содержал еще одну главу 42 о кондикционных обязательствах. Каких-либо общих норм об охранительных обязательствах также предусмотрено не было.

В действующем *Гражданском кодексе РФ* существенно возросло число глав, посвященных обязательствам вне договора, путем включения новых: главы 50 (действия в чужом интересе без поручения); главы 56 (публичное обещание награды); главы 58 (проведение игр и пари). Но общие правила об охранительных обязательствах продолжают отсутствовать. Новая статья 307<sup>1</sup> ГК РФ не может претендовать на роль общей нормы об охранительных обязательствах, о чем будет сказано позже.

В гражданских кодексах стран СНГ наблюдается аналогичная картина: при отсутствии об-

щих правил об охранительных обязательствах в них содержатся разделы, посвященные отдельным видам охранительных обязательств, как правило, обязательствам из причинения вреда и из неосновательного обогащения.

В цивилистической литературе советского периода долгое время не выделяли в качестве ведущего критерия классификации функции обязательства, таковым продолжало оставаться основание возникновения обязательства. Первые попытки определить сущность охранительных правоотношений были сделаны специалистами других отраслевых юридических наук, прежде всего, Н.Г. Александровым, который назвал их охранительными [6.] Позднее и ученые в области гражданского права более детально стали исследовать функции права как критерий классификации обязательств, не придавая им, как правило, доминирующее значение. Так, О.А. Красавчиков обращал особое внимание при классификации обязательств на их направленность [7]. «Ключом к классификации правоотношений (или юридических норм), — отмечал С.С. Алексеев, — являются специально-юридические функции права, которые обуславливают своеобразие главных пластов правовой материи... — регулятивные и охранительные...». При этом охранительные отношения он отнес ко второму слою, лишая их признака самостоятельности, в отличие от договорных [8]. Данные идеи были в дальнейшем развиты представителями уральской юридической школы: Т.И. Илларионовой, Д.Н. Кархалевым, О.А. Красавчиковым, Д.А. Ушивцевой, О.Е. Черновол, Я.Н. Шевченко, В.Ф. Яковлевым и др.

При этом современная цивилистическая литература, с одной стороны, искусственно объединяет в один блок обязательства из правомерных действий и правонарушений, а с другой — без достаточных оснований делит однородные по своей сути обязательства на договорные и внедоговорные [9, с. 18].

До появления докторской диссертации Д.Н. Кархалева практически не исследовался вопрос реализации охранительного правоотношения в связи с нарушением субъективного гражданского права или интереса. Концептуальное учение об охранительном гражданском правоотношении отсутствовало, исследовались лишь отдельные элементы, касающиеся юридической ответственности, вопросов охраны (защиты) гражданских прав и правового принуждения [10, с. 3].

Сейчас можно констатировать, что в литературе предложено достаточно аргументов для

признания внедоговорных охранительных обязательств самостоятельным видом охранительных правоотношений: 1) основанием их возникновения является, как правило, неправомерное поведение, в том числе правонарушение; 2) в рамках охранительного правоотношения применяются меры государственного (правового) принуждения; 3) исполнение осуществляется в пользу потерпевшего; 4) это относительное правоотношение; 5) это правоотношение активного типа; 6) это правоотношение одностороннее.

В Гражданском кодексе РФ в отдельных главах закреплены только два вида охранительных обязательств: из деликтных и кондикционных правоотношений.

Однако в литературе современного периода исследуются и другие виды таких обязательств: реституционные (Д.О. Тузов, Д.Н. Кархалев, Д.В. Лоренц и др.); виндикационные (Д.Н. Кархалев, С.А. Краснова и др.), негаторные (Д.Н. Кархалев и др.); конфискационные (Д.О. Тузов, Д.Н. Кархалев и др.); неэквивалентные обязательства по возмещению убытков (В.В. Груздев, Д.А. Торкин и др.); охранительные обязательства, возникающие вследствие нарушения организационного правоотношения (В.В. Богданов, Д.Н. Кархалев и др.). Есть основания полагать, что названными видами перечень охранительных обязательств не исчерпывается.

До 2015 года в Гражданском кодексе РФ отсутствовали общие нормы об охранительных обязательствах. Д.Н. Кархалевым было предложено расширить статью 307 ГК РФ позицией о возможности применения общих положений обязательственного права к охранительному правоотношению, что решило бы многие проблемы судебной практики [10, с. 11—12].

Достаточно логичным стала попытка Федерального закона от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ закрепить в статье 307<sup>1</sup> ГК РФ правило о применении общих положений об обязательствах к деликтным и кондикционным правоотношениям, если иное не следует из их существа или положений глав 59 и 60 ГК РФ.

Названную новеллу Гражданского кодекса РФ вряд ли можно назвать успешной попыткой закрепления общих норм об охранительных обязательствах. Из пункта 2 статьи 307<sup>1</sup> ГК РФ следует вывод о том, что к числу самостоятельных внедоговорных охранительных обязательств законодатель относит только два вида: деликтное и кондикционное. Достижения цивилистической науки в исследовании видов охранительных обязательств не учтены; классификация внедоговорных охранительных

правоотношений, по сути, остается на прежнем уровне. Поэтому для правоприменителя продолжает оставаться неясной возможность распространения на другие охранительные обязательства общих положений об обязательствах. В связи с этим остаются нерешенными вопросы применения к другим внедоговорным охранительным правоотношениям правил об исполнении обязательств (о сроках, валюте денежного обязательства, месте исполнения обязательства и т. д.).

Справедливости ради нужно упомянуть о пункте 3 этой же статьи, где сказано, что указанные положения применяются к *требованиям* из корпоративных отношений, а также из применения последствий недействительности сделки, что, на наш взгляд, несколько неудачно, поскольку, *во-первых*, речь идет скорее не о правоотношениях (где общие положения об обязательствах применимы), а о требованиях. Слово «требование» само по себе имеет многозначное значение. В гражданском праве оно ассоциируется прежде всего с правом требования к обязанному лицу совершить какие-либо действия или воздержаться от их совершения, которое принадлежит управомоченному субъекту (потерпевшему, кредитору, субъекту вещного права и т. д.). Такому праву корреспондируют обязанности определенного или неопределенного круга обязанных лиц, что свидетельствует о наличии между ними правовой связи, а это значит, что оно (право требования) не существует вне правоотношения. Поэтому вполне логично было бы указать в анализируемом пункте на применение общих положений об обязательствах к иным правоотношениям, следовательно, и к требованиям.

*Во-вторых*, законодатель ограничился указанием на два требования, к которым применимы общие нормы об обязательствах: корпоративные и связанные с применением последствий недействительности сделки. Можно было бы объяснить такой подход неясностью природы многих внедоговорных, в том числе охранительных, правоотношений. Действительно, концепция охранительного обязательства и его системы еще не достаточно обоснована. В частности, в литературе высказаны разумные аргументы против признания обязательствами виндикационных и негаторных притязаний, к которым не может быть применен ряд общих положений об обязательствах: о замене реального исполнения на возмещение убытков; об уступке права требования; о невозможности прекратить виндикацию зачетом, отступным, но-

вацией и т. д. Однако неоднозначность природы реституционных и корпоративных отношений не помешала законодателю распространить на них нормы об обязательствах.

*В-третьих*, к сожалению, в статье 307<sup>1</sup> ГК РФ вообще не упоминается о еще одном виде внедоговорных охранительных обязательств — *обязательствах по возмещению убытков, возникших вне договора*, хотя норм о них в Кодексе более чем достаточно: 1) они включены в положения главы 60 ГК РФ (п. 2 ст. 1104, п. 1 ст. 1105, ст. 1107 ГК РФ и др.); 2) о возмещении убытков говорится в ряде статей о недействительных сделках (абзац 3 п. 1 ст. 171, абзацы 2 и 3 п. 6 ст. 178, п. 4 ст. 179 ГК РФ и т. д.); 3) в ГК РФ присутствуют положения о возмещении убытков, возникших при нарушении преддоговорных правоотношений (уклонение от регистрации сделки, ее нотариального удостоверения и проч. — п. 4 ст. 165 ГК РФ); о возмещении убытков при необоснованном уклонении от заключения основного договора (п. 5 ст. 429 ГК РФ); о возмещении убытков при уклонении от заключения договора, если это является для стороны обязательным (п. 4 ст. 445 ГК РФ) и проч.; 4) в главе 14 ГК РФ предусмотрены положения о компенсации за нарушение вещных прав: недобросовестная утрата материалов (п. 3 ст. 220 ГК РФ), ответственность лица, нашедшего вещь (п. 4 ст. 227 ГК РФ), и т. д.

Поэтому анализ норм Гражданского кодекса РФ дает возможность сделать вывод о расширении сферы применения положений о внедоговорных убытках. Статья 53<sup>1</sup> ГК РФ, введенная Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 99-ФЗ, предусматривает возмещение убытков с лица, уполномоченного представлять организацию. Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ предусмотрено возмещение убытков при недобросовестном ведении или срыве переговоров о заключении договора (ст. 434<sup>1</sup> ГК РФ); а также при предоставлении недостоверных заверений об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения в процессе заключения договора либо до или после его заключения (ст. 431<sup>2</sup> ГК РФ), и данный перечень можно продолжать.

Таким образом, решение законодателя в части законодательной регламентации охранительных отношений, воплощенное в пунктах 2 и 3 статьи 307<sup>1</sup> ГК РФ, представляется половинчатым и не способствует достижению цели их эффективного правового регулирования. Правила статьи 307<sup>1</sup> ГК РФ должны иметь более общий характер и быть применимы не только

к известным случаям возмещения причиненного вреда (гл. 59 ГК РФ) или неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ), но и к иным отношениям, возникшим при нарушении гражданских прав вне договора. Предлагается изменить редакцию пункта 2 статьи 307<sup>1</sup> ГК РФ следующим образом: «к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения, а также к иным правоотношениям, возникшим при нарушении гражданских прав, общие положения об обязательствах (настоящий подраздел) применяются, если иное не предусмотрено специальными правилами настоящего Кодекса или не вытекает из существа соответствующих отношений». Из пункта 3 данной статьи логичным будет тогда исключение указаний на последствия недействительности сделки.

Часто нарушение субъективных прав (вещных, преддоговорных, интеллектуальных и т. д.) лиц, не связанных между собой договором, сопряжено с убытками. Не вызывает сомнений, что обязательства по их возмещению являются внедоговорными охранительными обязательствами. Вопрос об их природе в цивилистической литературе является спорным, правда, в основном оценка существа таких обязательств, как правило, осуществляется применительно к отдельным видам обязательств о возмещении убытков, в частности, при недействительности сделки, при их возмещении органами юридического лица; при анализе виндикационного, негаторного, реституционного и иных охранительных правоотношений.

Существует мнение, что обязательство по возмещению «внедоговорных убытков» является деликтным. Логика в таких рассуждениях есть — само обязательство возникает при наличии убытков, которые представляют собой денежную форму вреда. Если же рассматриваемое обязательство является деликтным, нет никаких оснований для критики статьи 307<sup>1</sup> ГК РФ. Позиция законодателя, назвавшего в числе охранительных обязательств только деликтные и кондикционные, представлялась бы вполне понятной и обоснованной. Однако, на наш взгляд, это лишь кажущееся, поверхностное впечатление.

Подробный анализ законодательства о деликтах не дает оснований предполагать возможность их полноценного применения к большинству случаев компенсации внедоговорных убытков, тем более что деликтное право, являясь достаточно завершённым институтом, мало подвержено влиянию даже революционных изменений.

Глава 59 ГК РФ не создавалась законодателем с запасом на все случаи причинения убытков вне договора, более ориентируясь на конкретные случаи причинения вреда жизни, здоровью, имуществу. Специальные деликты в силу своего содержания не применяются к названным ранее случаям возмещения внедоговорных убытков. Так, статьями 1068, 1069, 1070 ГК РФ предусмотрены правила о возмещении вреда, причиненного работниками организации, должностными лицами государственных органов и органов местного самоуправления. Но нет ни одной специальной нормы, в соответствии с которой можно было бы возместить убытки, причиненные органами юридического лица.

На наш взгляд, проблема могла бы быть решена, если бы главе 59 ГК РФ законодатель придал универсальный характер и предусмотрел норму, подобную статье 1103 ГК РФ, о возможности применения данной главы в случаях причинения внедоговорного вреда в форме убытков. С этой целью мы предлагаем добавить в статью 1064 ГК РФ пункт 4 следующей редакции:

«4. Поскольку иное не установлено настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений, правила, предусмотренные настоящей главой, подлежат применению также к требованиям о возмещении убытков, не связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных обязательств».

### Примечания

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права (по изд. 1917 г.). М., 1998. 353 с.

2. Яковлев В.Н. Древнеримское частное право и современное гражданское право: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. 938 с.

3. Свод законов Российской империи. Том X. Часть 1. Свод законов гражданских. Изд. 1914 г. / В кн. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской империи, Проект Гражданского уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург: Изд-во Института частного права, 2003. С. 136—147.

4. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения // Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, Проект Гражданского Уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург: Изд-во Института частного права, 2003. С. 599—606.

5. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Статут, 2003. 622 с.

6. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.

7. Красавчиков О.А. Система отдельных видов обязательств // Советская юстиция. 1960. № 5. С. 42—43.

8. Алексеев С.С. Предмет советского гражданского права и метод гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925—1989: сборник статей. М.: Статут, 2001. С. 42—44.

9. Гражданское право: в 2 т. Т. 2. Полумтом 1: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 1998. 816 с.

10. Кархалев Д.Н. Концепция охранительного гражданского правоотношения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 46 с.

### Reference

1. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law (published in 1917). Moscow, 1998. 353 p.

2. Yakovlev V.N. Ancient Roman private law and modern civil law: a textbook. Moscow: Volters Kluver Publ., 2010. 938 p.

3. Code of laws of the Russian empire. Volume X. Part 1. Code of civil law. Ed. 1914. *Codification of Russian civil law: Code of civil laws of the Russian empire, Draft Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR in 1964*. Ekaterinburg: Publishing house of the Institute of private law, 2003. P. 136—147.

4. Civil Code. The project of the Supreme Establishment of the Editorial Commission for the drafting of the Civil Code. *Codification of Russian civil law: Code of civil laws of the Russian empire, Draft Civil code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR in 1964*. Ekaterinburg: Publishing house of the Institute of private law, 2003. Pp. 599—606.

5. Pobedonostsev K.P. The course of civil law. Part three: Treaties and Commitments. Moscow: Statute Publ., 2003. 622 p.

6. Aleksandrov N.G. Legality and legal relations in Soviet society. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.

7. Krasavchikov O.A. The system of certain types of obligations. *Soviet justice*, 1960, no. 5, pp. 42—43.

8. Alekseev S.S. The subject of Soviet civil law and the method of civil law regulation. *Anthology of the Urals Civilization. 1925—1989: sat. art.* Moscow: Statute Publ., 2001. Pp. 42—44.

9. Civil law: in 2 vol. Vol. 2. Semi-1: textbook / ed. E.A. Sukhanov. Moscow, 1998. 816 p.

10. Karhalev D.N. The concept of a protective civil legal relationship. Author's abstract... candidate of legal sciences. Ekaterinburg, 2010. 46 p.